

Так было

Л.М. СУДАКОВА

Нижний Новгород

Однажды, разбираясь в одном из шкафов в помещении Нижегородской областной организации Союза писателей России, я увидел старую папку для бумаг. Развязав потемневшие от времени матерчатые те­сёмки, стал перебирать машинописные тексты, из заголовков кото­рых поняв, что их собирали на конкурс в честь 55-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне, пожелтевшие страницы сложенных вчетверо местных газет с публикациями по соответствующей теме. Рассказы и воспоминания с исторической и литературной точки зре­ния оказались малоинтересными. Я уже было собрался совсем закрыть папку и положить её на прежнее место, когда почти на самом её низу увидел обыкновенную школьную тетрадку в клеточку, только без об­ложки, исписанную аккуратным крупным разборчивым почерком. Бе­глого взгляда было достаточно, чтобы понять – это бесхитростные, но в то же время, с точными деталями того времени воспоминания очевидца. Признаюсь, я ими зачитался и сразу же решил, что их надо опубликовать в журнале «Вертикаль. XXI век».

Жительница улицы Героев Космоса Людмила Михайловна, подписав­шаяся «труженик тыла, ветеран труда», озаглавила свой текст «Сту­денческие будни в дни войны». Всего девять страниц в этой тетрадке исписано шариковой ручкой. Но за этими страницами стоит наше про­шлое, стоит память о бесценной человеческой жизни, которая вобрала в себя не только достижения, но и тот «незаметный! Героизм, благода­ря которому наш народ неизменно одерживал победу над врагом.

Я не знаю, были ли эти небольшие воспоминания тогда в двухтысяч­ном году опубликованы, или нет. Что-то мне подсказывает, что вряд ли. Но если это даже и повтор, то он стоит того, чтобы нижегородцы знали, как наш город пережил годы, когда народы фашистской Европы попытались безжалостным огнём и не менее безжалостной жестоко­стью покорить наше Отечество.

Валерий Сдобняков

СТУДЕНЧЕСКИЕ БУДНИ В ДНИ ВОЙНЫ

Для моего поколения, перешагнувшего школьный порог в июне 1941 года, переход от мирной беззаботной школьной жизни к лихолетью вой­ны был особенно резким и тяжёлым.

21 июня 1941 года в нашей школе «Памяти баррикад 1905 года» – прощальный вечер. Немного грустно расставаться с одноклассниками, учителями – достойными подвижниками просвещения, особенно с пер­вой учительницей нашего класса Ревеккой Фёдоровной Колодочкиной.

Но впереди манящее студенчество, нас переполняет «к чему-то жизни молодой неумолимое стремленье». Мы поём:

*Навсегда в коридорах звонки отзвенели,
И отныне для наших ребят
Запевают горнисты в походных шинелях
Паровозы тревожно гудят.*

Однако нам в этот вечер нисколько не тревожно. И мы не думаем о надвигающейся войне. Хотя знали, что старшекурсников в технических вузах уже переводили в высшие военные училища, а годом раньше трое ребят из нашего класса были зачислены в открывшееся лётное училище.

Ванечка Чижов на вечере исполняет танец умирающего гладиатора, но трагическая кончина римского раба не вызывает у нас грустных эмоций. Мы весело болтаем о завтрашней поездке за Волгу, обсуждаем вступительные экзамены в институт.

Я, начитавшись Драйзера, («Банкир», «Финансист», «Гений») собираюсь в Москву в финансовый институт.

Утро 22-го июня перевернуло все наши планы. Большинство однокурсников поступило на работу в завод.

Близорукий Гена Федоренко, собиравшийся в артиллерийское училище по примеру нашего замечательного математика В.С. Лазарева – артиллериста Первой мировой войны, договорился со Спартаком Калининским, чтобы тот прошёл за него медкомиссию у окулиста. С войны Гена не вернулся.

Не только ребята, но и девчата уходили в армию. Ушли смешливая Симочка Фомичёва и серьёзная Нина Дыбкова. Поступила в госпиталь Рита Кручинина.

Начались полёты немецкой авиации на Горький. От них особенно страдал автозавод. Сормову доставалось меньше.

На 92-й завод (под таким номером числился машиностроительный завод – В.С.) ни одной бомбы не упало. Объяснение этому я нашла много лет спустя в книге воспоминаний главного конструктора Грабина.

У сбито го фашистского лётчика была карта Горького, где на месте 92-го завода стоял условный знак. Лётчик пояснил, что обозначенный объект бомбёжке не подлежит. Видимо фашисты намеревались взять завод неповреждённым, на ходу, чтобы использовать его продукцию. Нашу артиллерию враг ценил.

В войну студентам, точнее студенткам на каникулы давалось не более пары недель. Мы были резервной рабочей силой. Нас снимали с занятий на расчистку от снега трамвайных путей и Волжского откоса, отправляя на сельхозработы.

Эти работы считались лёгкими. Куда труднее приходилось при рытье котлованов и траншей, особенно если грунт попался глинистый.

Однажды нам поставили бригадиром студента, только что вернувшегося с фронта без одной руки. Он смотрел-смотрел, как мы, хлипкие девчонки, скребём лопатами и заступами глину, не выдержал и подался в редколесье за грибами. Хоть этой добавкой к скудному обеду помочь нам.

Потом, вернувшись в город, мы узнали, что он пробил для нас премию: дефицитную пудру по пакетику и по флакону одеколona.

И уж совсем тяжёлой была погрузка-разгрузка толстых в два обхвата брёвен. Механизация отсутствовала. Ухватившись за одно бревно, команда из десяти тщедушных девчонок вкатывала его вверх от уреза воды на бровку берега.

Вспоминается октябрь 1942 года – и дни тяжелейшей Сталинградской битвы.

От горьковской пристани отчалил и направился вверх по Оке старенький пароходик, набитый студентами, направленными на сельхозработы. Тёмная осенняя ночь, нудный дождь, не переставая, бьёт по тенту, а иногда и по нашим ногам. Мы сидим на палубе, плотно прижавшись друг к другу, – так теплее.

Пароход движется еле-еле, словно крадучись. Синие, затемнённые бакены – плохой ориентир в этой кромешной тьме. Старенькая машина, надрываясь, натужно хрипит, по воде глухо шлёпают плиты колёс.

Настроение у едущих тяжёлое, тревожное. Тревога за близких на фронте, тревога и за оставшихся в Горьком, подвергавшемся налётам. Едем молча – ни разговора, ни шёпота. И вдруг тоненький, звенящий, почти детский голос, словно не выдержав гнетущей тишины, всхлипнув, запел:

*Позабыт, позаброшен,
С молодых ранних лет.
Я остался сиротою,
Счастья, доли мне нет.*

Мы привыкли к другим, мажорным песням. И однако же отозвался ещё один голос:

*Вот умру я, умру я.
Похоронят меня.
И никто не узнает,
Где могилка моя.*

А вскоре весь пароход пел тихо-тихо, отчётливо выговаривая слова. Песня длинная, куплетов много. Пение было похоже на заклинанье, на всеобщую молитву к небу.

Окончив песню, люди оживились, заговорили, как будто сбросили с души часть гнетущей тяжести. А за бортом по-прежнему шлёпали плиты, пыхла машина, шумел дождь. Но не было уже той безысходной давящей тоски. Людям, может быть на время, но всё-таки стало легче.

Утром, когда чуть-чуть забрезжил серый, мутный рассвет, с парохода сбросили трап. По крутому глинистому съезду, всё под тем же нудным дождём мы подымались, скользя, падая, съезжая опять вниз к урезу воды. Но, помогая друг другу, кручу одолели и двинулись до места нашей стоянки вдали от деревни.

Это была яма посреди поля. На дне её – солома. Солома же вместо крыши.

Работа – копка картошки от зари до зари. Несмотря на усталость, дождь, холод, никто не роптал и не болел. Все понимали, что надо поскорее закончить работу, успеть до настоящих морозов. Только однажды было нарушено однообразие нашей жизни. Поздно вечером, когда мы, отяжелев от «шрапнельной» каши, уже засыпали, начался девичий переполох. Но не из-за обычной мышьиной возни в соломе. Сверху грянула гармошка и зачастили молодые неокрепшие голоса. Пришлось нашим добровольцам-парламентёрам вылезать из ямы и объяснять парням-подросткам из соседней деревни, что нам вовсе не до песен.

Непрощенные гости удалились, сказав на прощанье: «Раз так, значит эдак!».

Долго ещё у нас на курсе бытовало это присловье.

Наш инженерно-экономический факультет относился к ЛИИВТу (Ленинградскому институту инженеров водного транспорта) и после окончания блокады, возвратился в Ленинград. Добраться туда было непросто. Поезд довёз нас только до разбитой станции Бологое и высадил на пустыре.

Двое суток с пересадками, стоя в переполненных рабочих поездах, в промокших валенках ехали мы до Ленинграда. Северная столица встретила нас обычной для неё промозглой оттепелью. Мы плохо переносили болотный климат города с частыми дождями, влажным морозом, летней парной духотой. Лёгочников поставили на учёт в портовской клинике. Врачи отправили обратно на нижегородчину однокурсницу, девушку с нежным цветом лица – Фаго. Уже через два месяца мы узнали, что она умерла.

Коренные ленинградцы, напуганные блокадой, зная свой климат, считали питание главной заботой. Поэтому, не обращая внимания на одежду, обувь и обстановку в квартире, они всю зарплату тратили на еду, благо уже появились коммерческие магазины. Наш старейший профессор Норкин – банкир царских времён – выглядел хоть и величественно, но довольно забавно в своей дореволюционной поношенной шубе с потёртой меховой подкладкой. В его просторном домашнем кабинете, кроме огромного письменного стола и скрипучего старого кресла, ничего не было.

Для нас, студентов, коммерческие магазины – несбыточная мечта. Хорошо ещё, что стипендии хватало на паёк, даже немного умудрялись выкраивать на театры, конечно, не в партер, а на извечно студенческую галёрку.

Артистов Мариинки, кроме театра, мы могли слушать и в соседней Никольской морской церкви. Когда шли большие службы, особенно по «убиенным воинам», наше общежитие на Фонтанке пустело. Правда, в переполненный храм было не войти, но и на паперти слышно божественное пение.

Послеблокадный Ленинград – малолюден, прибран и тих. В центре уже не видно следов артобстрелов и бомбёжек, если не считать не застеклённых витрин, забытых фанерой. Город переполнен разжиревшими и наглыми крысами. Они не боятся людей, ходят, переваливаясь, по коридорам и лестницам. Были случаи, когда, проснувшись, студент находил на своей кровати мышь, загрызённую крысами. Крыс травят, но от травли иногда страдали и люди. В нашем общежитии умерла девушка, поев хлеба, которым полакомились травленные крысы.

Хлеб студентам в день выдавали 600 грамм, а не 400, как в Горьком. Плюс усиленное дополнительное питание (УДП) – коврижка из сои. Аббревиатуру УДП бывшие блокадники расшифровывали так: умрёшь днём позже.

В Ленинграде уже не использовали нас, как подсобную рабочую силу. Но раз в неделю приходилось заниматься заготовкой дров для наших печей. Печь – одна на две комнаты, но от наших соседок-первокурсниц проку было мало: с пилой и колкой дров они не были знакомы. Легче стало через год, когда в соседней комнате поселились бывшие фронтовики, занявшиеся заготовкой. За нами осталась только топка печи.

Много времени отнимала дорога до института в порту, но в Горьком с транспортом было ещё хуже. Там мы тратили не меньше четырёх часов в день.

В выходные дни, в белые ночи мы отправлялись бродить по широким пустынным проспектам и набережной у Адмиралтейства, где в праздники швартовались подлодки. Уходили на Марсово поле к памятнику «Стережущему». Зимой по льду Невы перебирались на Заячий остров в Петропавловскую крепость. Там всё дышало историей. Забирались на кронверк, где казнили декабристов, смотрели усыпальницу царей. Заходили в открытые казематы Алексеевского равелина. Как тут было не вспомнить княжну Тараканову, Софью Перовскую и ещё многих-многих обитателей этих камер.

В Ленинграде начали открываться музеи, читались лекции. Работал пока ещё пустоватый читальный зал библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

В 1945 году отмечали к нашей радости и удивлению двадцатилетие со дня гибели полузапрещённого в те годы Сергея Есенина. С томиком стихов этого истинно русского поэта мы не расставались и в пути. Его песни, привезённые с фронта вернувшимися студентами, постоянно звучали у нас в общежитии.

Вечер памяти Есенина проходил неподалёку от гостиницы «Англетер». Свежепобелённый зал был невелик, сцена ещё не обустроена. Лектор и артисты выступали рядом с публикой, и эта близость к зрителю делала обстановку в зале ещё более тёплой и дружественной. Когда читалось «Письмо к женщине», то среди пожилых женщин – ровесниц Есенина раздались сдерживаемые рыдания.

Мои заметки отрывочны и неполны, но, возможно, и они что-то добавят в общую копилку воспоминаний.

Вот и всё, что было написано в найденной мною тетрадке. Думаю, что этот «живой голос из прошлого» не оставит равнодушными наших читателей.

Публикация В.В. Сдобнякова